

Кустова Елена Витальевна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОНАСТЫРСКОЙ ЕПИТИМИИ В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ И СЕКТАНТОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье впервые рассматриваются вопросы воздействия на старообрядцев и сектантов в Вятском крае через использование монастырской епитимии в первой половине XIX в. Обзорно представлены юридические основания епитимии. Анализируются личностные характеристики присылаемых для исправления, методы воздействия на них. Автор приходит к выводу об отсутствии необходимой подготовки монашествующих, что превращало епитимию в малоэффективное средство воздействия на представителей старообрядцев и сектантов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 131-133. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 271; 94

Исторические науки и археология

В статье впервые рассматриваются вопросы воздействия на старообрядцев и сектантов в Вятском крае через использование монастырской епитимии в первой половине XIX в. Обзорно представлены юридические основания епитимии. Анализируются личностные характеристики присылаемых для исправления, методы воздействия на них. Автор приходит к выводу об отсутствии необходимой подготовки монашествующих, что превращало епитимию в малоэффективное средство воздействия на представителей старообрядцев и сектантов.

Ключевые слова и фразы: епитимия; каноническое право; монастырь; Вятская епархия; старообрядцы; сектанты.

Кустова Елена Витальевна, к.и.н., доцент
Вятский государственный гуманитарный университет
kustovael@yandex.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОНАСТЫРСКОЙ ЕПИТИМИИ
В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ И СЕКТАНТОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ©**

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
и Правительством Кировской области научного проекта № 15-11-43002.*

С древних времен монастыри использовались как места отбытия церковной епитимии, под видом которой нередко присылались политические противники и государственные преступники. Однако епитимия в традиции Православия понималась как мера не столько церковного наказания, сколько духовного исправления. Она могла совершаться через совершение земных поклонов, соблюдение особых постов, временное недопущение к исповеди и причастию, а также нахождение в монастырях, которое могло продолжаться от нескольких недель до нескольких лет.

В рамках древнего канонического права епитимия должна была применяться только по отношению к членам Церкви. Традиционно она охватывала представителей духовенства по широкому кругу проступков, а также светских лиц – за жестокое обращение с супругой, незаконное сожительство, блуд, прелюбодеяние, уклонение от исповеди и причастия, нечаянное убийство, покушение на самоубийство, преступление, осознанно совершенное в малолетнем возрасте и др. [3, с. 96-99].

Однако в реальной жизни РПЦ в XVIII-XIX вв. епитимия могла применяться и для воздействия на представителей религиозных течений, которые находились за рамками официальной Церкви. Обычно это касалось тех, кто негативно воздействовал на православных, переманивая их в ряды своих членов. Подобное служение ложилось тяжелым бременем на монастыри, поскольку большинство из них не имели ни средств на содержание епитимийцев, ни людей для охраны преступников, ни опытных монахов.

Вятский Успенский Трифонов монастырь был крупнейшим в Вятской епархии. Поэтому как наиболее обеспеченный ежегодно получал на содержание епитимийцев. Среди них встречались старообрядцы, которые требовали особого внимания и подхода со стороны духовных властей. Это были не рядовые члены общин, а так называемые «расколоучители», чья деятельность распространялась и на православных.

В эпоху Александра I политика правительства по отношению к старообрядцам была достаточно либеральной. В этот период известен лишь один случай присылки старообрядцев в монастырь. В июле 1823 г. в Трифонов монастырь был направлен сарапульский мещанин Григорий Зылев. Причиной ссылки стал организованный им раскол внутри поповского согласия. Еще в 1818 г. 27-летний Григорий, закупив на 500 руб. на Урале духовных книг, стал распространять свои новые идеи. Ради любопытства к нему стали приходить люди, чтобы почитать эти книги. Он проповедовал иного Христа, который, по его словам, родился раньше Иисуса. Но когда он открыто начал хулить Православную Церковь, многие от него отвернулись. Остались только два брата. В декабре 1819 г. его сослали в Слободской монастырь на год. Удаление из дома от занятия промыслами он воспринимал как страдания за правоверие. В 1823 г. его отправили в Трифонов монастырь. Как писал о нем архим. Иустин, исправления «...по крайнему невежеству и упорству никакого еще не видно». Сменивший на должности настоятеля архим. Феофилакт также «сам и через посредство искусных монашествующих, кроткими наставлениями и увещаниями старались отклонить Зылева от заблуждения и приводить к обращению на путь истины». Но успехов в этом деле не было. Поэтому в 1826 г. Феофилакт просил перевести Зылева в другое место «в отвращение могущаго произойти от него соблазна простому народу». После этого его перевели в Орловскую обитель [2, д. 17, л. 23-25, 28 – 28 об., 33 об., 35 – 35 об.].

При Николае I законодательство в отношении старообрядцев ужесточается. В частности, закон предписывал разыскивать «ересеначальников» (духовных руководителей старообрядцев), уничтожать места богослужений, скиты, монастыри, закрывать их школы и т.д. [5, с. 8].

Среди «расколоучителей», присланных в это время, был Иван Никонович Изергин. Он являлся главным духовным наставником старообрядцев федосеевского согласия в Подрельской волости Орловского уезда. В конце XVIII в. Изергин был пономарем в Подрельском храме. В 1799 г. он уволился от служения в храме и вскоре после этого переехал к старообрядцам в Поморье, откуда привозил на Вятку кресты, книги и иконы.

Также будущий наставник старообрядцев нередко выступал в качестве поверенного в общественных делах от имени крестьянской общины, брал на себя материальные издержки. В 1838 г. по решению суда И. Изергин был отдан под надзор волостного начальства, а в 1841 г. Святейший Синод подписал указ о вызове И. Изергина в духовную консисторию для увещания. Однако только в ноябре 1842 г. его сумели разыскать. Поскольку увещания не дали желаемых результатов, Изергин был отправлен в Трифонов монастырь под начало иером. Пагкратия. Но и ему не удалось склонить Изергина к отказу от староверия. 3 декабря 1842 г. духовник сообщал архим. Амвросию, что «Подрельской волости старообрядец Иван Изергин на убеждения в православной вере, котораго по Вашему поручению мне недостойному велено убедить к православию всемерно; каковое и исполняю со всяким тщанием склонить к православию. Но по его упорству убедить никак невозможно» [2, д. 17, л. 252, 254; 6, с. 299]. Вел с ним длительные беседы и сам настоятель. Но все было безрезультатно.

После этого было решено отправить И. Изергина в отдаленный монастырь для постоянного увещания. Однако дело Изергина было передано в Палату государственных имуществ. В 1843 г. ему вынесли следующий приговор: «Крестьянина И. Изергина, не избличенного в совращении православных, но обнаруженного в действиях и поступках, клонящихся к утверждению единомышленников в сектаторских заблуждениях, выдержать в городской тюрьме два месяца и строжайше подтвердить ему, дабы отнюдь не осмеливался дозволять себе каких-либо действий, клонящихся к соблазну православных, внушая ему, что если он вновь будет замечен в посягательстве на распространение раскольнических заблуждений, то подвергнут неизбежному взысканию по всей строгости законов. Местной же полиции и приходскому духовенству поручить за поступками Изергина в отношении веры иметь неослабный надзор» [2, д. 17, л. 252, 254, 260; 6, с. 300].

В это же время в монастырь был отправлен еще один из наставников старообрядцев – Исаак Дрягин, более известный в среде старообрядцев под именем Матфея Кондратьевича. Он возглавлял Боровскую часовню – одну из пяти старообрядческих часовен в Нолинском уезде. При часовне были устроены келлии для больных и престарелых обоего пола. В 1842 г. часовню закрыли. В сентябре 1843 г. было решено обратиться к единоверческой церкви, но старообрядцы отказывались переходить в единоверие и отдавать часовню. В итоге в начале 1849 г. часовня была разрушена [6; 7].

Дрягин был известным проповедником и наставником старообрядцев федосеевского согласия. Повидимому, он был беглым, пришедшим на Вятку из других мест, поскольку не имел голоса в мирском обществе, хотя и пользовался большим авторитетом. До Боровой часовни он жил в Архангельском приходе у крестьянина Шубина, и вместе с ним деятельно занимался распространением старообрядчества по Архангельскому приходу, поучал, исправлял требы, под его влиянием несколько православных ушли в раскол. О его деятельности было донесено начальству. Дрягин был взят под стражу, отвезен в Нолинск и посажен в тюрьму. Здесь он заболел и был взят на поруки крестьянином Шубиным. После выздоровления он вернулся в Боровскую часовню. Крещение им младенца стало поводом для возбуждения нового дела против него, и он вторично был посажен в тюрьму [4].

В октябре 1841 г. Исаак Дрягин «за совращение православных» судом был приговорен к ссылке в Закавказскую провинцию, но по преклонности лет его определили в Трифонов монастырь. Тогда он был уже 100-летним стариком, глухим и слепым. Настоятель архим. Амвросий предлагал ему исповедаться и причаститься, но тот отказался. 5 февраля 1842 г. он умер и был погребен без отпевания «подле монастырского кладбища в ограде... монастырской» [2, д. 17, л. 214 – 216 об., 228-229, 233].

Помимо старообрядцев-федосеевцев был послан на покаяние в монастырь и один из представителей секты хлыстов. Это было одно из наиболее опасных течений. Как сообщал Синод в 1838 г., по мнению хлыстов, «... посредством пророков, ими избранных, человек может сообщаться с небом и видеть божество в человечестве». Их опасность состояла в тайности организации. Основатель секты Данила Филиппович, живший в середине XVII в., требовал от своих сторонников: «Веру свою содержите в тайне и никому, ниже отцу родному, ниже отцу духовному, не объявляйте». Хлысты не только сохраняли тайну своих обрядов, но и аккуратно ходили в православную церковь, демонстрируя редкое благочестие. Как отмечал знаток сектантства Н. И. Барсов, «Хлысты в глазах мира являются... лучшими прихожанами православных церквей, в душе презирая Церковь, ее таинства и обряды». На вопрос статистика «хлыст непременно ответит, что он – православный из православных» [1, с. 443; 8].

При Николае I началась активная борьба с сектантством. 16 мая 1838 г. государь указал наиболее активных членов вновь созданной в Москве секты хлыстов «... разместить порознь в отдаленные монастыри от Москвы и Поволжских губерний... возвращая их на прежнее место жительства только тогда, когда они изъявят искреннее раскаяние в их заблуждении и укрепятся в истинных понятиях религии» [2, д. 17, л. 129 – 129 об.]. Среди хлыстов 1 разряда оказался московский мещанин Никита Григорьевич Поникаров. Он был отправлен в Трифонов монастырь, настоятель которого должен был доносить о нем в Синод каждые полгода. В июне 1838 г. он прибыл в Вятку и был помещен «для ближайшего надзора» в келлию с казначеем. Через два дня после прибытия он «покорнейше просил» исповеди, и если будет достоин, то и причастия. Однако к причастию он не был допущен, поскольку искренность его была сомнительна. Лишь в 1841 г., когда он серьезно заболел, ему было позволено причаститься [Там же, л. 129 об., 133-134].

Каждые полгода о нем сообщалось, что он ведет себя хорошо, ежедневно посещает церковные службы, «богослужение слушает с вниманием», во время постов говел и на исповеди был, но «...не смотря на все убеждения нимало не сознается в своем заблуждении, и никаких признаков раскаяния не показывает», «...и даже самого сознания не чит, что он хлыстовской секты, а считает себя православным», «понятий о христианской религии

вовсе не имеет никаких, а на будущее время только обещает жить по русски, что значит по его ходить в село, принимать иконы на пол и когда земские чиновники велют идти на исповедь, то тоже не отрекает, естли будет здоров, говорит, ходить буду. Молитв никаких не знает и даже имени Иисуса Христа» [Там же, л. 140, 143, 151, 161].

В апреле 1841 г. Н. Поникаров неудачно пытался сбежать из монастыря. После этого он дал подписку, обещая «...впредь из монастыря без ведома казначея не отлучаться, а всегда спрашивать его казначея и ходить с данным от него проводником». Пробыв 10 лет в Трифоновом монастыре, он так и не раскаялся и по Высочайшему указу весной 1848 г. был отпущен домой к своей семье под надзор духовного и гражданского начальства [Там же, л. 129 – 129 об., 133-134, 140, 143, 161, 151, 183 – 184 об., 210 – 211 об., 358, 373].

В целом, монастырь оказался недостаточно готов к работе с сектантами и старообрядцами, присылаемыми на епитимию. Для этого не хватало специально подготовленных и опытных монахов, хорошо знавших другие религиозные течения и особенности их вероучения. Вероятно, осознание этого факта, наряду с либерализацией политики при Александре II, привело к тому, что во второй половине XIX в. монастырская епитимия в отношении старообрядцев и сектантов на Вятке уже не применялась.

Список литературы

1. Барсов Н. И. Русский простонародный мистицизм // Христианское чтение. 1869. № 9. С. 418-481.
2. Государственный архив Кировской области. Ф. 247. Оп. 1.
3. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. 320 с.
4. К-в П. Боровская часовня // Вятские епархиальные ведомости. Отд. дух.-лит. 1869. № 13. С. 293-294.
5. Машковцева В. В. Конфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Вятской губернии). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. 150 с.
6. Починская И. В. Епископ Неофит и вятское старообрядчество в 30-40-е гг. XIX в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 293-304.
7. Починская И. В. Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы [Электронный ресурс]. URL: http://www.vstrana.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=345 (дата обращения: 14.04.2015).
8. Эткинд А. М. Хлыст. Секты, литература и революция [Электронный ресурс]. М., 1998. URL: <http://sbiblio.com/biblio/archive/hlist/01.aspx> (дата обращения: 21.04.2015).

USE OF MONASTIC PENANCE ON OLD BELIEVERS AND SECTARIANS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Kustova Elena Vital'evna, Ph. D. in History, Associate Professor
Vyatka State University of Humanities
kustovael@yandex.ru

In the article the issues of impact on the Old Believers and sectarians in Vyatka region through the use of monastery penance in the first half of the XIX century are considered for the first time. The overview of the legal grounds of penance is presented. The personal characteristics of the people, who were sent for reformation, the methods of influence on them are analyzed. The author comes to the conclusion about the absence of the essential training of the monks, which turned penance in an ineffective means of influence on the representatives of the Old Believers and sectarians.

Key words and phrases: penance; canon law; monastery; Diocese of Vyatka; Old Believers; sectarians.

УДК 101.1

Философские науки

Современное общество признает образование необходимым и важным компонентом бытия каждого человека. Под образованием мы имеем в виду не только теоретическое понимание проблем или же голую практику, а совокупную модель постижения мира человеком, имеющую онтологическое основание. Вне образования, при отсутствии знаний, человек очень быстро погружается в темное невежество. Оно опасно не только тем, что человек вне знания не может существовать полноценно, но также отсутствие знания умяляет человеческий дух, который стремится к бесконечному развитию самого себя через человеческую самость.

Ключевые слова и фразы: образование; личность; дух Логоса; дух Эроса; дух Танатоса.

Ломакина Любовь Ивановна, к. филос. н.

Воробьев Дмитрий Олегович

Оренбургский государственный медицинский университет
dratsolonchack@mail.ru

ОБРАЗОВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СТРЕМЛЕНИЕ ИПОСТАСИ АБСОЛЮТНОЙ ИДЕИ К САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ[©]

Рассматривая человека как уникальный феномен, исследуя его особенности, мы полагаем жизненную необходимость каждой личности в знании. Личность – это не просто человек как биологическая или социальная